

Митрофан Иванович Ретивов: русский врач-эмигрант о жизни болгарского села в 1920-е гг.

Гусев Никита Сергеевич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: gusevns@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9573-7018

Цитирование

Гусев Н. С. Митрофан Иванович Ретивов: русский врач-эмигрант о жизни болгарского села в 1920-е гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 60–77. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.04

Статья поступила в редакцию 01.12.2020.

Аннотация

В статье рассматриваются мемуары Митрофана Ивановича Ретивова о его жизни в 1920-е гг. в Болгарии. Оставшиеся в рукописи воспоминания были написаны вскоре после переезда из страны. Они рассказывают о судьбах русской эмиграции, рисуют картину ее горестного быта и постепенного разложения. Все это автор наблюдал, работая в русских больницах в Несебре и Лясковце. Также в мемуарах содержатся интересные сведения о жизни болгарских крестьян, с которой Ретивов был хорошо знаком — он служил врачом в нескольких селах (Меричлери, Сушице, Арчаре). Автор отмечает тягу к достижениям научной медицины наряду с сохранением традиций в поведении крестьян (коллективные визиты к врачу, нежелание раздеваться при осмотре, вера в знахарей) и их быту (скудные обстановка в домах и рацион питания, отсутствие интереса к искусству). В то же время Ретивову пришлось столкнуться со сложностями, вызванными местной бюрократией и конкуренцией со стороны болгарских коллег. Судьба автора воспоминаний в этом плане довольно показательна для русских врачей-эмигрантов в Болгарии — уже к концу 1920-х гг. большинство из них перебрались из сел в города или покинули страну. Потому в статье восстанавливается

жизненный путь М. И. Ретивова — уроженца донской станицы, в эмиграции жившего в Болгарии, Бельгии, Чехословакии, Парагвае и обретшего последний приют в Аргентине.

Ключевые слова

Русская эмиграция, Болгария, врачи, традиционное общество, крестьянство, быт, Ретивовы.

Русская эмиграция в Болгарии — довольно популярная тема в научной и научно-популярной литературе. Следует признать, что в самой Болгарии в нынешнее время она разрабатывается более активно, нежели в России¹. Однако в большинстве случаев исследователи фокусируют свое внимание на эмигрантских организациях или же персоналиях, живших в Софии и внесших заметный вклад в развитие болгарской столицы или болгарских культуры и науки². В то же время немалое количество русских беженцев оказалось в сельской местности, где они сталкивались с непривычными им образом жизни и традициями. Но поскольку мемуаристы в основной своей массе имели высокий уровень образования, ранее, как правило, жили в городах, то условия в болгарских селах казались им невыносимыми. А потому они в провинцию ехали редко. В результате воспоминаний эмигрантов о болгарском крестьянском быте немного.

Описываемые в данной статье записки М. И. Ретивова ценны тем, что автор почти шесть лет прожил в болгарских селах, где работал врачом. В 1969 г. в СССР были опубликованы воспоминания Б. Н. Александровского³, имевшего схожий опыт, но весь пафос его повествования направлен на обличение пороков западного общества,

1 См., например, хотя и не полный, но солидный справочник: Руска емиграция в България. 1878–2006: библиографски указател / съст. Е. Денева, С. Рожков. София, 2006.

2 Например, см.: Спасов Л. Врангеловата армия в България 1919–1923 г. София, 1999; Косик В. И. Софии русский уголок. М., 2008; Михнева Р., Грозев К., Рупчева Г. «Малката Русия» на жълтите павета. София, 2016; Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М., 2018; Стоева Г. Руска военна емиграция и младежко движение в България и Кралство Югославия между двете световни войни: дисс. ... канд. ист. наук. София, 2020 и др.

3 Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969.

а потому болгарской сельской повседневности уделено незначительное внимание, к тому же ошутимо влияние «братского» дискурса тех лет на оценки увиденного⁴. Воспоминания же Ретивова писались в Брюсселе в 1928 г., всего через год после отъезда из Болгарии, и были адресованы внуку Алексею. А потому, основанные на свежих впечатлениях, не скованные цензурой, они представляют собой довольно любопытный и «откровенный» источник, рассказывающий о жизни болгарских крестьян и русских эмигрантов, к тому же не изданный и не введенный в научный оборот. Поскольку исследователи русской эмиграции на Балканах не упоминали в своих работах М. И. Ретивова, стоит обрисовать хотя бы в общих чертах его биографию.

Митрофан Иванович Ретивов родился в станице Кобылянской Области Войска Донского (ныне — Волгоградская область) в 1868 г. По окончании гимназии в Новочеркасске он поступил на медицинский факультет Московского университета, завершив учебу, отправился работать земским врачом Верхотурского уездного земства (ныне — Свердловская область), где одновременно состоял заводским врачом Богословского горного округа. Однако, понимая значимость образования для своих детей, Ретивов покинул этот регион и перебрался в Харьков. Здесь он занимал должность заведующего санитарным отделом Совета Съезда горнопромышленников Юга России, принимал активное участие в научной и общественной жизни города и страны, боролся с туберкулезом и малярией. «Словом, старался быть полезным своей Родине, своему народу, главным образом — крестьянину и рабочему», — как в старости он утверждал в одном из писем⁵. Революцию Митрофан Иванович встретил в Харькове, который покинул только накануне того, как большевики в третий и окончательный раз заняли

4 Остается малоизученной и сама деятельность практиковавших на селе русских врачей. В то же время об их городских коллегах и эмигрантах — преподавателях медицинского факультета Софийского университета существуют научные исследования, о них не единожды упоминают мемуаристы (напр., *Васильев К. К.* Эмиграция русских врачей в Болгарию // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 2005. № 1. С. 59–62; *Ратиев А. Л.* То, что сохранила мне память. София, 1999. С. 543–548, 560–562; *Пчелинцева Т.* Русские врачи-белоэмигранты в Болгарии // Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания / под ред. В. В. Чумаченко, П. В. Чумаченко, С. А. Рожкова. М., 2013. С. 283–384).

5 Museum of Russian culture (San-Francisco). Mitrofan Retivov papers. Box 1. Folder 5. P. 5. (ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 61. Ед. хр. 1).

город. К этому моменту один из его сыновей служил в Добровольческой армии, в ней же находилась со своим мужем его дочь, вскоре попавшая в плен к красным. В городе Ретивов оставался с женой, двумя дочерьми (младшей было 9 лет, старшая оканчивала медицинский институт) и вторым сыном, супругу которого, дочь богатого купца, уже ранее приходилось выкупать у большевиков. А потому, воспользовавшись случаем, 29 ноября 1919 г. герой настоящей статьи вместе с семьей покинул Харьков, надеясь вернуться туда через пару месяцев. Однако надеждам было не суждено сбыться.

Ретивов, везде находя работу по специальности, отступал вместе с Добровольческой армией и прошел весь ее путь — Ростов, Екатеринодар, Новороссийск, Крым. В октябре 1920 г. в составе госпиталя он эвакуировался из Севастополя на английском миноносце, который 1 ноября 1920 г. вошел в Босфор. В эвакуированной армии он вновь занял должность врача, но образ жизни русской эмиграции ему был неприятен. И когда Митрофан Иванович узнал, что его дочь собирается выйти замуж за русского врача, работающего в Болгарии, он решил переехать поближе к ней. 30 апреля 1921 г., в Великую субботу, он покинул Константинополь и через 2 дня прибыл в Софию.

Болгарская столица произвела на М. И. Ретивова благоприятное впечатление. Своей зеленью улиц и садов, тишиной она ему напомнила «один из провинциальных губернских русских городов». Как ему показалось, кириллические надписи, портреты русских писателей в витринах книжных лавок, улицы, названные в честь героев войны 1877–1878 гг., и памятник Александру II — «все это носило на себе печать влияния России, не советской, а прежней, которая искренне шла на Балканы для освобождения своих соплеменников». Здесь при помощи своего знакомого доктора А. фон Вейса Ретивов подал прошение о месте врача и встретил знакомого ему еще по Харькову известного писателя Е. Н. Чирикова. Благодаря последнему он сумел устроить сыновей в Чешский технический университет⁶, а младшую дочь — в Мариинский Донской институт в Югославии⁷.

6 В ГАРФ сохранились личная карточка и прошение старшего сына Сергея (р. 15 октября 1896 г.) о приеме на обучение на Русский юридический факультет в Праге от 17 июня 1923 г. (ГАРФ. Ф. Р5765. Оп. 2. Ед. хр. 780). Он, видимо, все же не пошел по технической стезе. Также в архиве наличествует учетная карточка Земгора на младшего сына, Георгия (р. 22 февраля 1898 г.) (ГАРФ. Ф. Р5764. Оп. 3. Ед. хр. 4862. Л. 1).

7 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 592. Л. 5–77.

Почти месяц длилось томительное ожидание назначения. Решение этого вопроса осложнялось тем, что, согласно законодательству страны, на государственную службу могли принять иностранца лишь в случае отсутствия болгарских претендентов на эту должность⁸. Но, как вспоминал другой эмигрант, в начале 1920-х гг. для русского врача устройство на работу «не представляло больших затруднений»⁹. Объяснялось это тем, что специалистов в данной сфере катастрофически не хватало. Сеть больниц и медицинских пунктов в 1920-е гг. в Болгарии расширилась, и потребность во врачах удвоилась¹⁰. Медицинский факультет Софийского университета только начинал свою работу, а в села, куда получившие за границей образование болгары не хотели ехать, срочно требовались дипломированные специалисты. В результате находившиеся на государственной службе или работавшие в частных медучреждениях медики составляли значительную часть русской эмиграции в Болгарии — 25% в 1920 г., а в 1927 — 27%¹¹.

Ретивов получил назначение в село Меричлери, находящееся в юго-восточной Болгарии. Здесь началось тесное знакомство русского врача-эмигранта с болгарскими крестьянами. По словам автора, село насчитывало около 300 дворов, в нем имелись прогимназия, две церкви и две мельницы. Однако оно не относилось к «оазисам», где дома крестьян были чисты и обустроены. Здесь жилища слабо освещались, в них был земляной пол, отсутствовала мебель, и взрослые, и дети спали на ковриках и циновках. «Спят, ходят, рожают, болеют и умирают на земляном полу», — вспоминал Ретивов. Питались жители села также скудно: «Боб (фасоль. — *Н. Г.*) каждый день, боб во всех видах». Мясо ели только по праздникам, яйца — весной, а овощи — в сезон. Вдобавок врачу бросилось в глаза, что крестьяне редко мылись. Обуславливалось это доходившим «до абсурда» страхом простудиться, потому что крестьяне и в жаркую погоду кутались в теплое платье.

8 *Кьосева Ц.* Примането на руските бежанци в България (1920–1923). Прагматизъм и емоции // България и Русия. Между признателността и прагматизма / отг. ред. Г. Марков. София, 2008. С. 308.

9 *Александровский Б. Н.* Из пережитого в чужих краях. С. 51.

10 *Пейковска П.* Русская интеллигенция в Болгарии в 20-е годы XX в.: социально-профессиональная структура // Историческая болгаристика (К 100-летию со дня рождения профессора Л. Б. Валева) / редкол. Е. Л. Валева, Т. В. Волокитина. М., 2016. С. 279.

11 Там же. С. 276.

В то же время, отмечал автор, «болгары охотно прибегают к услугам научной медицины», и, несмотря на ее дороговизну, регулярно ходят лечиться. Однако и здесь существовала своя специфика — на прием всегда приходили группой: старший, «закурив папироску», чинно рассказывал о симптомах больного. Тогда врач добился прекращения практики коллективных приемов, но сбор анамнеза был затруднен. На вопрос о том, что болит, часто звучал ответ: «Разве я знаю! Ты доктор и должен знать». В иных случаях больной жаловался на все сразу. Тогда доктор стал прибегать к хитрости — требовать в таком случае раздеться догола, и пациент сразу же локализовывал симптомы: «Нет нужды, сынок, мне раздеваться всей, у меня болит только левая нога». М. И. Ретивов, как и многие другие русские эмигранты, отмечал весьма щепетильное отношение болгар к целомудренности¹², считалось неприличным женщине раздеться даже перед доктором¹³.

Описанная сельская жизнь не устраивала врача, он подал прошение о переводе в другой населенный пункт, но получил отказ. Однако обнаружилось вакантное место в больнице Русского общества Красного Креста в прибрежном городе Несебре¹⁴. Здесь Ретивов плотнее ознакомился с жизнью русской колонии и увидел то, что сербский историк М. Йованович позднее назвал феноменом социального деклассирования и деградации эмигрантов, — трудовые навыки русских беженцев не соответствовали реальным потребностям балканских государств¹⁵. А потому в Несебре русский врач наблюдал генерала, занимавшегося межевой работой, полковника, пекшего пирожки для отдыхающих на море, казаков, зарабатывавших изготовлением кирпича, торговлей по селам или рыбной ловлей, к которой, по словам Ретивова, болгары не были привычны. «Словом, русская колония жила напряженной трудовой жизнью, очень прилично зарабатывала, ограничиваясь скромными потребностями», — вспоминал Митрофан

12 Каратеев М. Белогвардейцы на Балканах // Русская Армия в изгнании / сост. С. В. Волков. М., 2003. С. 200–201; Матвеева И. В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 494.

13 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 6–12.

14 Там же. Л. 38–45об.

15 Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / пер. с серб. А. Ю. Тимофеева; науч. ред. А. В. Громова-Колли, Е. В. Михайлова. М., 2006. С. 156.

Иванович. Лишь в праздники казаки устраивали застолья¹⁶. Аналогичную трудовую жизнь эмигрантов автор ранее наблюдал среди работающих на шахте неподалеку от Меричлери. Правда, там многие после полочки ехали в ближайший крупный город Пловдив, чтобы ее там прогулять: «Русская беспорядочная, широкая натура сказывалась и на чужбине»¹⁷.

В Несебре же наблюдалось другое печальное явление. Поначалу многие эмигранты верили в возобновление войны в России, потому создавали различные организации и сохраняли прежние связи. Так, донские казаки объединялись в станицы и хутора, возглавлявшиеся своими кругами и атаманами, имели свои суды. Некоторые станицы существовали как организации¹⁸, таким образом в Несебре возникла «Мессемврийская объединенная казачья станица имени генерала П. Н. Краснова». Но очевидная бесперспективность дальнейшего ожидания привела к разложению казачьей общины. Ретивов в январе 1922 г. в зале офицерского собрания пловдивского гарнизона наблюдал общеказачий съезд. Там он увидел, что все цеплялись за финансирование, а молодежь свергала авторитеты: «Как в СССР безграмотные безусые комиссары считали себя способными разрешать самые сложные государственные вопросы, так и здесь: молодежь иногда насильственно навязывала свое мнение станице»¹⁹. Вскоре колония растаяла — все уехали искать лучшей доли, и больницу перевели в небольшой город Лясковец близ Велико-Тырново.

В нем условия жизни эмигрантов, среди которых многие являлись инвалидами, оказались намного сложнее. Среди них был распространен туберкулез, 62% больных только раз в день ели горячую пищу, половина — жили по трое и более человек в комнате. Но началось сплочение эмигрантской общины — их объединяла тоска по России, в которую, как они поняли, скоро вернуться не получится. По этой же причине стала распространяться религиозность.

В Лясковке беженцы часто ходили в гости к своей соотечественнице, давно жившей в Болгарии, которой тогда было около 60 лет. Ее судьба ярко характеризует нравы болгарских крестьян того времени. Девушка, окончив киевскую консерваторию и получив предложение

16 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 18–24.

17 Там же. Л. 15.

18 *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы / пер. с болг., науч. ред. Е. В. Михайлова. М., 2008. С. 93.

19 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 26–29об.

о турне, влюбилась в болгарина, студента киевской духовной семинарии, вышла замуж и переехала на родину супруга. Там ее таланты не оценили: «Родители мужа, старозаветные болгарские крестьяне, сурово отнеслись к молоденькой пианистке и с первых дней ее приезда заставили ее нести черную работу: кормить свиней, доить коров, копать на огороде, в саду, жать в поле». Десять лет девушка не играла на фортепьяно, поскольку ни у кого рядом его не было. Затем, однако, муж купил инструмент, хотя не позволил учить детей музыке. Бывшая перспективная пианистка играла, когда в доме были гости, но болгарам это оказалось явно безразлично — они громко разговаривали и произносили тосты. Лишь русские эмигранты целенаправленно приходили послушать исполнение классических произведений. Через полгода после прибытия Ретивова больница в Лясковце была закрыта, и русские стали разъезжаться²⁰.

Автор воспоминаний весной 1923 г. получил приглашение в расположенное неподалеку село Сушица. Условия работы там не отличались от Меричлери, процветала вера в суеверия и в знахарей: «Было ясно, что народ пребывает во тьме». Но и желающих лечиться также было немало. К Ретивову ехали из соседних сел и округов, и его финансовое положение упрочилось, он стал отсылать деньги детям в Прагу²¹. В это время в Болгарии население считало русских врачей грамотными и хорошими специалистами, старалось попасть к ним на прием. Этому способствовало и отношение медиков к своему делу²². Но конкуренция с болгарскими коллегами все же была неравной. Пришлось с ней познакомиться и М. И. Ретивову. Ранее в Несебре, несмотря на ходатайство городских властей перед министром, он получил отказ в месте окружного врача из-за наличия болгарского кандидата²³, в Сушице же Митрофан Иванович почувствовал ревнивое отношение со стороны

20 Там же. Л. 38–46.

21 Там же. Л. 50–53об.

22 Такие примеры см.: *Вълчев М.* Руската емиграция в Харманлийска околия между двете световни войни // Империи и имперско наследство на Балканите. Сборник в чест на 70-годишнината на проф. Людмил Спасов / съст. Д. В. Димитров, С. Кацаров, Р. Пенджекова-Христева, Д. Борисов. Пловдив, 2019. Т. 2. С. 313–314; *Вълчев М.* Лекарите-белоэмигранти в Свиленградска околия между двете световни войни // Развитие на здравеопазването в Свиленград и региона. [Т.] 6 / ред. С. Елдъров. Свиленград, 2020. С. 104–128.

23 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 34.

начальника — местного уроженца. Тот старался выжить русского врача, желая получить его доходы. «Материальные соображения играли большую роль в неприязненных отношениях части болгарских врачей к русским коллегам. Всякое преуспевание русского врача в том или ином селе становилось предметом зависти со стороны молодых болгарских врачей», — вспоминал эмигрант²⁴. По этой причине он хотел сменить место работы. В данном случае успеху его желания способствовала активность в журнале «Народна просвета», куда М. И. Ретивов уже несколько лет регулярно писал статьи, пытаясь «быть полезным в деле санитарного просвещения народа, страна которого дала гостеприимный приют десяткам тысяч русских беженцев»²⁵. Он попросил редактора издания похлопотать о переводе и вскоре получил назначение в село Арчар близ Видина²⁶, куда выехал в начале весны 1925 г.

Дунай, обилие рыбы радовали Ретивова, выросшего на Дону, и его супругу, детство которой прошло на Волге. Своим отношением к больным он завоевал уважение среди местного населения, но сблизиться с ним не получалось. «Болгары живут со своими семьями уединенно. Своих родных и знакомых они посещают только во время больших праздников и в дни именин. Остальное же время семьи их сидят дома, а мужья проводят время в корчмах за политическими беседами», — констатировал автор. Отдушиной стало общение с видинским окружным врачом. Тот окончил реальное училище в Николаеве, университет в Киеве и сохранил теплые чувства к России. Под аккомпанемент супруги-румынки он регулярно пел песни вместе с Ретивовым. Однако и здесь жизнь была омрачена, в данном случае — главой местной администрации (кметом). По словам врача, власти часто были нечисты на руку, при этом в селе отсутствовали приличные школа, церковь и почта. «Многие жители села передавали мне, что ряд кметов и секретарей общины стали богатыми людьми, обворовав общину; что они изверились в своих общинских руководителях, ибо каждый последующий еще хуже предыдущего», — констатировал эмигрант²⁷. Впрочем, и о чиновничестве в целом Митрофан Иванович

24 Там же. Л. 51–51об.

25 Там же. Л. 25.

26 Тогда в Видине и его окрестностях жило немало донских казаков. Подробнее см.: *Вълчев Г.* Белая эмиграция в Видинской области // *Новый Журнал*. № 265. 2011. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2011/265/belaya-emigracziya-v-vidinskoj-oblasti.html> (дата обращения: 20.10.2020).

27 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 65–65об.

был нелестного мнения, поскольку не единожды с ним сталкивался: «Ничего более мучительного, как хождение по болгарским официальным местам, нельзя себе представить. Маленькая страна утонула в бумажном делопроизводстве <...> Один чиновник делал одно и брал за это деньги; другой говорил, что это не нужно было делать, но тоже брал деньги, говоря, что с нас неправильно и мало взяли»²⁸.

В конечном счете, кмет потребовал у своего начальства удалить русского врача, угрожая провести на подчиненной ему территории выборы так, что действующие власти их проиграют. В итоге нашли болгарского претендента на место Ретивова, и последний, в соответствии с законом, был переведен в другой населенный пункт, который мемуарист, однако, не назвал. Проработав там еще четыре месяца, 20 сентября 1927 г. Митрофан Иванович вместе с семьей покинул Болгарию, направившись в Брюссель.

На заданный себе риторический вопрос о возможности вернуться Ретивов отвечал категорически: «Нет! Опять обратно, в Болгарию? Ни за что! В эту грязь, мрак духовный? Ни за какие блага!» Объяснял это он тем, что народ невежественен, «хотя в правительстве Болгарии прилагают много стараний к его светскому просвещению»; бытовые условия тяжелы — грязные дома, паразиты, культурный досуг ограничен воскресными танцами «хоро» у молодежи, а у более взрослых — бесконечными разговорами в корчмах на политические темы. «Скаредность», по словам автора, проявлялась в постоянном стремлении обмануть, и «в болгарине отрицательные стороны берут верх над положительными, вот почему среди них и трудно жить»²⁹. Нельзя не признать, что заключения автора воспоминаний имеют под собой основу. Но он явно смотрел на ситуацию через призму негативного восприятия собственного положения. Почти все знакомство М. И. Ретивова со страной свелось к сельской жизни, где сохранялись многие архаичные черты быта, и села кардинально отличались от локомотивов модернизации Болгарии — ее динамично преобразующихся городов. Мемуарист же, хоть молодость и провел в сельской среде, все же являлся выпускником Московского университета, долго работал в промышленном и богатом Харькове, занимал высокие должности. Естественно, жизнь в болгарской глуши, где к тому же его амбиции было не реализовать, вызывала у Ретивова негативные чувства. Но огорчало и другое, что отмечали многие

28 Там же. Л. 35об–36.

29 Там же. Л. 66–68об.

эмигранты³⁰, — в Болгарии благодарность к России за освобождение испытывали только пожилые люди, остальные либо были об этом мало осведомлены, либо знали в пересказе публицистов, отрицательно относившихся к России³¹.

Вероятно, общее разочарование усиливалось и из-за тяжелых дум о собственном народе. Мысли о революции, поведении народа, которому, как считал Ретивов, он служил, проходят красной линией через мемуары. «Страшно признаться, но иногда зарождалось чувство недоброжелательства к своему родному народу, который из-за материальных благ, ради получения земли, леса и т. п. предал на поругание и носителя верховной власти и русской идеи — своего царя с его ни в чем не повинным семейством, и русскую интеллигенцию, беспощадно вырезанную большевиками», — признавался Митрофан Иванович³². Эти настроения усиливались и благодаря рассказу дочери о том, как ей в Харькове дали комнату в их бывшей квартире, где она наблюдала, как «народ» растаскивает их имущество, не заботится о работоспособности отопления и канализации, и ее же описанию «позора русской нации» — того, как в Большом театре «вскакивали и вытягивались бывшие царские генералы перед Лейбом Бронштейном, тогда военкомом, как перед ним склонялись знамена во время смотров»³³...

В Брюсселе Митрофан Иванович, видимо, не мог найти работу и перебрался в Парагвай. Возможно, выбор страны был обусловлен тем, что там уже работали известные ему по Болгарии врачи-эмигранты Е. Я. Тимченко и А. фон Вейс³⁴. Ретивов трудился в Красном кресте во время Чакской войны — конфликта между Парагваем и Боливией 1932–1935 гг. В ней же принимал участие и сын Митрофана Ивановича Сергей. В будущем он стал более известен как исследователь бассейна реки Конго³⁵. Однако герой настоящей статьи в конце 1930-х гг. перебрался в Европу — в Прагу, где тогда жил второй сын — Георгий. Тот, видимо, разделял правые взгляды отца, поскольку являлся видным деятелем эмигрантской организации «Национальный союз нового поколения» (будущий НТС). Его же сын Алексей, будущий

30 Каратеев М. Белогвардейцы... С. 173.

31 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 67–67об.

32 Там же. Л. 35.

33 Там же. Л. 31–32об.

34 Васильев К. К. Эмиграция... С. 60.

35 Нечаев С. Ю. Русские в Латинской Америке. М., 2010. С. 73–74.

многолетний сотрудник «Голоса Америки»³⁶, служил в РОА³⁷. Понятное дело, что приход Красной армии в Чехословакию не сулил ничего хорошего подобной семье.

Как позднее рассказывал М. И. Ретивов, он поехал к дочке в Брюссель, а та для него как для гражданина Парагвая выхлопотала по линии Красного Креста возможность отправиться за океан. Уже в Парагвае в лекции «Встречи с русскими людьми “оттуда”», прочитанной перед русской колонией, он красочно описал обстановку в Праге во время ее освобождения, с воодушевлением рассказал о красноармейцах, но признал, что «дети великого русского племени» измелчали во всех смыслах, и с ужасом поведал о нравах НКВД³⁸. Но в Асунсьоне Митрофан Иванович долго не задержался. 2 декабря 1949 г. скончался живший в паргвайской столице его сын Сергей, а младший Георгий вместе с женой — дочерью Е. Н. Чирикова — и сыном жил в Нью-Йорке. И уроженец донской станицы перебрался в дочке и зятю в Аргентину, где в деревне Олега́рио Виктор Андраде 19 марта 1961 г. скончался³⁹.

Однако нельзя сказать, что в Латинской Америке Митрофан Иванович забыл о родине и смирился с ее утратой. Он написал пространные воспоминания о медицинском факультете Московского университета времен своего студенчества и на их основе — роман, а также мемуары «Этюды о России», рассказ о русских эмигрантах Парагвая. В письме редактору американского русскоязычного издания «Новый журнал» М. М. Карповичу он жаловался, что ничего из написанного не удалось напечатать⁴⁰. Ретивов утверждал, что помимо уже названных трудов подготовил произведения о русском

36 Умер Алексей Ретивов — ветеран Русской службы «Голоса Америки» // Голос Америки. URL: <https://www.golosameriki.com/a/retivov-obit-2010-10-20-105355983/189515.html> (дата обращения: 20.10.2020).

37 Татьяна Ретивова: «В эфире “Голос Америки”» // «Литература». URL: <http://literatura.org/non-fiction/3091-tatyana-retivova-v-efire-golos-ameriki.html> (дата обращения: 20.10.2020); Чирикова Новелла Евгеньевна // Лица русской эмиграции. URL: <http://rusgrave.tmweb.ru/card.php?id=1484> (дата обращения: 20.10.2020).

38 Museum of Russian culture (San-Francisco). Mitrofan Retivov papers. Box 1. Folder 12. (ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 61. Ед. хр. 1).

39 Ibidem. Biographical note.

40 Однако отметим, что уже в XXI в. потомки М. И. Ретивова опубликовали часть его наследия, связанную с его работой в Харькове: *Ретивов М. Записки земского врача. Киев, 2018.*

земстве, городском самоуправлении, Ленине, Троцком, Сталине и т. д. Судя по пометкам автора письма, общий объем этих десяти работ составлял 1350 страниц. И это с учетом того, что в одном из черновиков письма он упоминает и другие работы⁴¹, воспоминания о Гражданской войне уже были переданы в Российский заграничный исторический архив в Праге⁴², а записки о Болгарии, видимо, остались в Праге, откуда затем попали в СССР⁴³!

Судьбу Митрофана Ретивова нельзя назвать простой, возможно, это определенным образом сказалось и на его взглядах. Все произведения, касающиеся периода до Гражданской войны, пронизаны ностальгией по России, которой не стало. Естественным образом, сельская Болгария, в которой Ретивов оказался на правах беженца, не могла покорить его сердце. Болгарский историк Ц. Кесева назвала несерьезным вывод сербского коллеги М. Йовановича о диссонансе между уровнем образования русских беженцев и болгарских крестьян как факторе, тормозящем адаптацию эмигрантов⁴⁴. Однако здесь важно разделять болгарские города и села. София еще с XIX в. приятно удивляла русских путешественников, и самому Ретивову город понравился. Но села и их жители в значительно меньшей степени были затронуты модернизацией. И описываемые мемуары говорят о правоте М. Йовановича — они пронизаны раздражением от архаичности мышления и быта пациентов-крестьян. Пусть автор в силу своих положения и взглядов рассматривал все в негативном ключе, но делал это он внимательно, благодаря чему «Шесть лет на службе в Болгарии. 1921–1927» являются весьма важным и интересным источником сведений не только о жизни русской эмиграции, но и о быте болгарской деревни 1920-х гг.

41 Ibidem. Box 1. Folder 5. P. 5–7.

42 Сохранилась и рецензия члена Ученого совета Русского заграничного исторического архива известного историка Е. Ф. Шмурло на рукопись. Благодаря заключению рецензента текст был принят в РЗИА: «Общее впечатление, повторяю, смешанное. Лично я на месте автора кое-что сократил бы, а на месте нашего Архива все же не отказался приобрести самую рукопись» (ГАРФ. Ф. Р5965. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 1–3).

43 На эту мысль наводит то, что остальной архив М. И. Ретивова хранится в Музее русской культуры Сан-Франциско.

44 Кесева Ц. Болгария... С. 12.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М.: Мысль, 1969. 374 с.

Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.

Васильев К. К. Эмиграция русских врачей в Болгарию // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 2005. № 1. С. 59–62.

Вълчев Г. Белая эмиграция в Видинской области // Новый Журнал. № 265. 2011. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2011/265/belaya-emigracziya-v-vidinskoj-oblasti.html> (дата обращения: 20.10.2020).

Вълчев М. Лекарите-белоемигранти в Свиленградска околия между двете световни войни // Развитие на здравеопазването в Свиленград и региона. [Т.] 6: Сборник с научни изследвания от Седмата научна конференция / съст. Е. Митева, ред. С. Елдьоров. Свиленград: Исторически музей, 2020. С. 104–128.

Вълчев М. Руската емиграция в Харманлийска околия между двете световни войни // Империи и имперско наследство на Балканите. Сборник в чест на 70-годишнината на проф. Людмил Спасов. Т. 2: Ново време и съвремие / Пловдивски университет «Паисий Хилендарски», философско-исторически факултет, катедра «История и археология»; съст. Д. В. Димитров, С. Кацаров, Р. Пенджекова-Христева, Д. Борисов. Пловдив: б. и., 2019. С. 305–318.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / [пер. с серб. А. Ю. Тимофеева; науч. ред. А. В. Громова-Колли, Е. В. Михайлова]. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2006. 487 с.

Каратеев М. Белогвардейцы на Балканах // Русская Армия в изгнании / [сост., предисл., коммент. С. В. Волкова]. М.: Центрполиграф, 2003. 512 с.

Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы / [пер. с болг., науч. ред. Е. В. Михайлова]. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2008. 312 с. (Ex cathedra).

Косик В. И. Софии русский уголок. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2008. 236 с.

Кьосева Ц. Приемането на руските бежанци в България (1920–1923). Прагматизъм и емоции // България и Русия. Между признателността и прагматизма: международна научна конференция: доклади / Институт по история на БАН, Форум «България — Русия»; [съст.: В. Тошкова, И. Марчева; отг. ред. Г. Марков]. София: Форум «България — Русия», 2008. С. 302–313.

Матвеева И. В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах 2003. М.: Индрик, 2004. С. 491–515.

Михнева Р., Грозев К., Рупчева Г. «Малката Русия» на жълтите павета. София: Камея Груп ЕООД, 2016. 246 с.

Нечаев С. Ю. Русские в Латинской Америке. М.: Вече, 2010. 320 с.

Пейковска П. Русская интеллигенция в Болгарии в 20-е годы XX в.: социально-профессиональная структура // Историческая болгаристика (К 100-летию со дня рождения профессора Л. Б. Валева). Сб. статей / редкол.: Е. Л. Валева (отв. ред.), Т. В. Волокитина. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 270–284.

Пчелинцева Т. К. Русские врачи-белоэмигранты в Болгарии // Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания / под ред. В. В. Чумаченко, П. В. Чумаченко, С. А. Рожкова. М.: Новые печатные технологии: Синержи, 2013. С. 283–384.

Ратиев А. Л. То, что сохранила мне память. София: Изд-во Софийского ун-та им. Св. Климента Охридского, 1999. 681 с. (Белая эмиграция в Болгарии 1918–1945).

Ретивов М. Записки земского врача. Киев: Каяла, 2018. 112 с.

Руска емиграция в България, 1878–2006: библиографски указател / Народна библиотека «Св. св. Кирил и Методий», Център наукознание и история на науките на БАН, Руски акад. съюз в България; [съст. Е. Денева, С. Рожков]. София: Народна библиотека «Св. св. Кирил и Методий», 2006. 111 с.

Спасов Л. Врангеловата армия в България 1919–1923 г. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1999. 243 с.

Стоева Г. Руска военна емиграция и младежко движение в България и Кралство Югославия между двете световни войни: дис. ... канд. ист. наук. София, 2020. 214 с.

Татьяна Ретивова: «В эфире “Голос Америки”»: интервью / беседует В. Коркунов // Литература: электронный литературный журнал. № 181. Апрель 2021. URL: <http://litteratura.org/non-fiction/3091-tatyana-retivova-v-efire-golos-ameriki.html> (дата обращения: 20.10.2020).

Умер Алексей Ретивов — ветеран Русской службы «Голоса Америки» // Голос Америки: [сайт]. 2010. 20 окт. URL: <https://www.golosameriki.com/a/retivov-obit-2010-10-20-105355983/189515.html> (дата обращения: 20.10.2020).

Чирикова Новелла Евгеньевна // Лица русской эмиграции. URL: <http://rusgrave.tmweb.ru/card.php?id=1484> (дата обращения: 20.10.2020).

References:

Aleksandrovskii, B. N. *Iz perezhitogo v chuzhikh kraiaikh. Vospominaniia i dumy byvshogo émigranta*. Moscow: Mysl', 1969, 374 p.

Birman, M. A. *P. M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo*. Moscow: Vo-dolei, 2018, 444 p.

Deneva, E., and S. Rozhkov, compilers. *Ruska emigratsiia v Bŭlgari-ia. 1878–2006: bibliografski ukazatel*. Sofia: National Library St. St. Cyril and Methodius, 2006, 111 p.

Jovanović, M. *Ruskaia émigratsiia na Balkanakh: 1920–1940*. Translated by A. Iu. Timofeev, ed. by A. V. Gromov-Kolli, E. V. Mikhaïlov, Moscow: Bibli-oteka-fond Russkoe Zarubezh'e, Russkii put', 2006, 487 p.

Karateev, M. "Belogvardeitsy na Balkanakh." *Ruskaia Armiiia v izgnanii*, ed. by S. V. Volkov, Moscow: Tsentrpoligraf, 2003, 512 p.

Kosik, V. I. *Sofii russkii ugolok*. Moscow: PROBEL-2000, 2008, 236 p.

Kyoseva, Ts. "Priemaneto na ruskite bezhantsi v Bŭlgariia (1920–1923). Pra-gmatizŭm i emotsii." *Bŭlgariia i Rusiia. Mezhdū priznatelnostta i pragmatizma*, compilers V. Toshkova, I. Marcheva, ed. by G. Markov, Sofia: Forum Bŭlgariia — Rusiia, 2008, pp. 302–313.

Kyoseva, Ts. *Bolgariia i ruskaia émigratsiia: 1920–1950-e gody*. Translated from Bulgarian into Russian and ed. by E. V. Mikhaïlov, Moscow: Biblioteka-fond Russkoe Zarubezh'e, Russkii put', 2008, 312 p.

Matveeva, I. V. "Iz zhizni ruskoï émigratsii v Bolgarii: otryvki vospomina-nii." *Slavianskii al'manakh* 2003, Moscow: Indrik, 2004, pp. 491–515.

Mikhneva, R., et al. *'Malkata Rusiia' na zhŭltite paveta*. Sofia: Kameia Grup EOOD, 2016, 246 p.

Nechaev, S. Iu. *Russkie v Latinskoï Amerike*. Moscow: Veche, 2010, 320 p.

Pchelintseva, T. K. "Russkie vrachi-beloémigranty v Bolgarii." *Beloémigranty v Bolgarii. Vospominaniia*, ed. by V. V. Chumachenko, P. V. Chuma-chenko, S. A. Rozhkova, Moscow: Novye pechatnye tekhnologii, Sinerzhi, 2013, pp. 283–384.

Peïkovska, P. "Russkaia intelligentsiia v Bolgarii v 20-e gody XX v.: sotsi-al'no-professional'naia struktura." *Istoricheskaia bolgaristika (K 100-letiiu so dnia rozhdeniia professora L. B. Valeva)*, ed. by E. L. Valeva, T. V. Volokitina, Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2016, pp. 270–284.

Ratiev, A. L. *To, chto sokhranila mne pamiat'*. Sofia: University Press St. Kliment Ohridski, 1999, 681 p.

Retivov, M. *Zapiski zemskogo vracha*. Kiev: Kaiala, 2018, 112 p.

Spasov, L. *Vrangelovata armiiia v Bŭlgariia 1919–1923 g.* Sofia: University Press St. Kliment Ohridski, 1999, 243 p.

Stoeva, G. *Ruska voenna emigratsiia i mladezhko dvizhenie v Bŭlgariia i Kralstvo Iugoslaviia mezhdu dvete svetovni voŭni*. PhD thesis, Sofia, 2020, 214 p.

“Tat’iana Retivova: *V ěfire ‘Golos Ameriki’*, interview conducted by V. Korunov”. *Literratura: online literary magazine*, no. 181, Apr. 2021, <http://litteratura.org/non-fiction/3091-tatyana-retivova-v-efire-golos-ameriki.html>. Accessed 20 Oct. 2020.

“Umer Alekseĭ Retivov — veteran Russkoĭ sluzhby ‘Golosa Ameriki.’” *Golos Ameriki*, 20 Oct. 2010, <https://www.golosameriki.com/a/retivov-obit-2010-10-20-105355983/189515.html>. Accessed 20 Oct. 2020.

Vasil’ev, K. K. “Ėmigratsiia russkikh vracheĭ v Bolgariiu.” *Problemy sotsial’noĭ gigieny i istoriia meditsiny*, no. 1, 2005, pp. 59–62.

Vŭlchev, G. “Belaia ěmigratsiia v Vidinskoĭ oblasti.” *Novyi Zhurnal*, no. 265, 2011, <https://magazines.gorky.media/nj/2011/265/belaya-emigraciya-v-vidinskoj-oblasti.html>. Accessed 20 Jan. 2020.

Vŭlchev, M. “Lekarite-beloemigranti v Svilengradska okoliia mezhdu dvete svetovni voŭni.” *Razvitie na zdrapeopazvaneto v Svilengrad i regiona*, vol. 6: *Sbornik s nauchni izsledvaniia ot Sedmata nauchna konferentsiia*, compiler E. Miteva, ed. by S. Eldŭrov. Svilengrad: Istoricheski muzeĭ, 2020, pp. 104–128.

Vŭlchev, M. “Ruskata emigratsiia v Kharmanliĭska okoliia mezhdu dvete svetovni voŭni.” *Imperii i impersko nasledstvo na Balkanite. Sbornik v chest na 70-godishninata na prof. Liudmil Spasov*, vol. 2: *Novo vreme i sŭvremie*, compilers D. V. Dimitrov, S. Katsarov, R. Pendzhekova-Khristeva, D. Borisov. Plovdiv: Plovdivski universitet Paisiĭ Khilendarski, filosofsko-istoricheski fakultet, katedra Istoriiia i arkheologiia, 2019, pp. 305–318.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.04

Gusev N. S.

**Mitrofan Ivanovich Retivov: Russian emigrant doctor
about the life of a Bulgarian village in the 1920s**

Nikita S. Gusev

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: gusevns@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9573-7018

Citation

Gusev N. S. Mitrofan Ivanovich Retivov: Russian emigrant doctor about the life of a Bulgarian village in the 1920s. // Slavic Almanac. 2021. No 1–2. P. 60–77 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.04

Received: 01.12.2020.

Abstract

The article discusses the memoirs of Mitrofan Ivanovich Retivov about his life in the 1920s in Bulgaria. The unpublished memoirs were written shortly after moving out of the country. They tell about the fate of the Russian emigration, its difficult life and gradual decomposition. All this the author observed while working in Russian hospitals in Nessebar and Lyaskovets. The memoirs also contain interesting information about the life of Bulgarian peasants, which Retivov studied well — he served as a doctor in several villages (Mericleri, Sushitsa, Archara). The author notes the craving for the achievements of scientific medicine along with the preservation of traditions in the behavior of peasants (collective visits to the doctor, unwillingness to undress, faith in healers) and their everyday life (poor conditions in homes and diet, lack of interest in art). At the same time, Retivov had to face difficulties caused by local bureaucracy and competition from Bulgarian colleagues. The fate of the author of the memoirs is quite significant for Russian doctors-emigrants in Bulgaria — by the end of the 1920s, most of them moved from villages to cities or left the country. Therefore, the article reconstructs the life path of M. I. Retivov, who was born in Don stanitsa and then lived in exile in Bulgaria, Belgium, Czechoslovakia, Paraguay and found his last shelter in Argentina.

Keywords

Russian emigration, Bulgaria, doctors, traditional society, the peasantry, life, Retivov.